

На следующее утро Ли Биньчэн отвёл Дуань Шаобо к главе секты, чтобы изменить регистрационные сведения и получить собственную небольшую вершину. Они с Гу Цзыцзю собирались отправиться в путь немедленно, однако едва учитель с младшим соучеником ушли, как Гу Цзыцзю почувствовал неладное.

Это было чутьё практика, связанного с Небом. Гу Цзыцзю не слишком хорошо умел высчитывать судьбу – впрочем, даже в изначальном мире предсказания давались ему плохо. Вероятно, таково было ограничение, наложенное на него Небесным Дао. Он мог лишь смутно ощутить, что это предчувствие не предупреждает об опасности: просто время покидать секту ещё не пришло.

Когда Ли Биньчэн и Дуань Шаобо вернулись, Гу Цзыцзю взглянул на них и, как и ожидал, увидел, что обычно спокойные брови Дуань Шаобо тоже нахмурены.

– Наставник, вы тоже чувствуете, что что-то не так?

Ли Биньчэн вздохнул:

– Вообще-то вам было бы лучше уехать, но раз уж такова воля Неба, тогда...

Он не успел договорить, как над головой внезапно потемнело. Над сектой Меча всегда простиралось безоблачное небо. Даже когда кто-нибудь проходил небесную кару, грозовые тучи сжимались над крохотным клочком земли. Впервые Гу Цзыцзю увидел, как всё небо этого мира без остатка затянуло чёрными облаками.

Ли Биньчэн поднял голову и покачал ею:

– Похоже, кто-то из ваших младших боевых двоюродных дедов готовится пройти кару Вознесения к Бессмертию. Раз уж вам довелось застать её, смотрите внимательно.

– Ха-ха-ха-ха-ха! Собратья по Дао, я, старик, отправляюсь первым!

Неизвестно откуда донёсся раскатистый смех. Гулкое эхо металось между вершинами, сливаясь с глухими раскатами грома, вызревавшими в чёрных тучах. И всё же этот голос не

оглушал – напротив, казалось, будто старший из родной семьи оберегает их.

Внезапно воздух разорвал огромный меч – грубый на вид, но исполненный величественной, сокрушительной мощи. Казалось, он одним ударом расколол надвое непроглядную тьму, и вниз хлынул солнечный свет. Даже у Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо, двух практиков Золотого Ядра, от его сияния невыносимо заболели глаза, но никто не зажмурился. Они широко раскрыли их и неотрывно смотрели на меч.

Грозовые тучи небесной кары словно пришли в ярость от этого удара. Они сдавили разрубленную брешь и вновь сомкнулись. Ослепительно-белые молнии, разительно отличавшиеся от прежнего багряно-золотого сияния, слились в сплошную сеть и обрушились на гигантский меч.

Но тот не ведал страха и в лоб принял электрическую сеть!

Раздался низкий грохочущий гул. Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо одновременно сдавленно застонали. Гу Цзыцзю ещё держался, однако Дуань Шаобо лишь недавно сформировал Золотое Ядро, и его основа оставалась нестабильной. Из уголка его губ потекла кровь.

Ли Биньчэн поспешно положил по ладони на плечо каждого ученика. Обоим пришлось закрыть глаза и погрузиться в медитацию. Когда Гу Цзыцзю наконец усмирил бушующую внутреннюю энергию и вновь открыл глаза, ему удалось увидеть лишь последние мгновения гигантского меча...

Прежде плотный и осязаемый, тот уже рассыпался и померк, обнажив скрывавшуюся внутри высокую фигуру. Человек был так же изувечен, как и разбитый меч. Всё его тело покрывали раны, один глаз ослеп, рука и нога были утрачены.

Но он по-прежнему прямо стоял меж Небом и землёй, словно исполин, удерживающий небосвод на своих плечах.

До сих пор мужчина смотрел лишь ввысь, однако внезапно опустил голову и взглянул на секту, где прожил несколько тысяч лет. В его единственном глазу мелькнула тёплая привязанность.

Он неожиданно повернулся спиной к небесной каре и указал пальцем вниз.

Возник уменьшенный образ гигантского меча – последняя в его жизни воля меча – и рубанул по камню Заточки Мечей.

Одновременно настиг и последний удар небесной кары.

В нём не было прежней оглушительной мощи. Это был безмолвный, мёртвый гром, подобный ядовитому клыку. Он ударил практика меча прямо в темя и насквозь пронзил его тело.

Вслед за вспышкой прокатился нескончаемый гром.

Высокая фигура практика меча рухнула, рассыпалась и исчезла без следа.

Тучи рассеялись, гром стих. Над головой вновь раскинулось безоблачное небо – словно всё было как прежде...

[Как же красиво...]

Гу Цзыцзю застыл в оцепенении. Он никогда прежде не видел такой грандиозной, величественной красоты. Он и представить не мог, что смерть тоже способна быть столь прекрасной.

[Хозяин! Твоя культивация вот-вот прорвётся!] – системный помощник уже не мог молчать и закричал сорванным голосом.

Хозяин должен был во что бы то ни стало подавлять культивацию, удерживая её на стадии Золотого Ядра. Одна из главных сюжетных арок должна была развернуться в тайном мире, куда могли войти лишь практики Золотого Ядра и более низких стадий. Если он сейчас совершит прорыв, позднее попасть туда уже не сможет.

Хриплый вопль Системы вывел Гу Цзыцзю из состояния озарения. Придя в себя, он поспешно сел медитировать – насильно сдерживать культивацию и любой ценой не позволять ей расти тоже было нелёгким трудом.

Почти одновременно Дуань Шаобо сел, скрестив ноги. Но он не пытался совершить прорыв: его стадия оставалась неустойчивой, и при малейшей оплошности Золотое Ядро могло расколоться, вынудив его начать всё заново.

Три дня спустя Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо один за другим пробудились. Только тогда они узнали, что бессчётное множество практиков меча в секте не сумели удержать свою культивацию и утратили её, в одночасье низвергнувшись с бессмертных высот в мир смертных.

Ли Биньчэн собрал четверых учеников и спросил:

– Цзыцзю, что ты думаешь о гибели вашего младшего боевого двоюродного деда?

Ван Си и Наньгун Цэ обладали слишком низкой культивацией, поэтому Ли Биньчэн не позволил им выйти из комнат. Однако ничего скрывать от них не стал, и теперь оба ребёнка выглядели подавленными.

Гу Цзыцзю ответил:

– Меч, потрясший Небо. Невероятно величественное зрелище.

Ли Биньчэн долго ждал продолжения, но так его и не дождался.

– И всё?

Гу Цзыцзю развёл руками:

– Всё.

– Эх... Не следовало мне тебя спрашивать. А ты что скажешь, Шаобо?

– Пусть младший боевой двоюродный дед и погиб, но до самого последнего мгновения он оставался верен своему Дао. Он оставил потомкам всё, что накопил за свою жизнь, и ушёл без сожалений.

Дуань Шаобо ненадолго умолк, но всё же добавил:

– Я тоже надеюсь, что однажды мне выпадет такой день.

Ли Биньчэн уже собирался его похвалить, однако Гу Цзыцзю опередил учителя:

– День, когда тебя насмерть поразит молнией?

В этот миг у Ли Биньчэна дыбом встали и брови, и борода, превратив его в огромный белый ком шерсти.

Ван Си и Наньгун Цэ широко раскрытыми глазами уставились на наставника. От их подавленности не осталось и следа. Они хотели рассмеяться, но понимали, что сейчас неподходящий момент, и потому изо всех сил сдерживались.

Старший брат, разве можно такое говорить? Кажется, наставник прибьёт тебя раньше, чем молния успеет убить второго старшего брата...

– Подтвердить Дао собственной жизнью, – лишь Дуань Шаобо чинно ответил на вопрос Гу Цзыцзю.

– Это не подтверждение Дао собственной жизнью, а принесение себя в жертву Дао. Тогда скажи, младший соученик: что за Дао способно заставить тебя пожертвовать жизнью и добровольно исчезнуть без следа?

С самого детства этот мальчик всегда оставался спокойным и сдержанным. Гу Цзыцзю и подумать не мог, что в нём скрывается столь непреклонная сторона. Он смотрел на Дуань Шаобо с любопытством и каким-то... смутным недовольством.

На сей раз это было не чутьё Неба и человека. Недовольство принадлежало ему самому.

Неужели Дао настолько важно, что ради него Дуань Шаобо готов умереть? Раствориться между Небом и землёй, не оставив ни единого следа?

- Я...

Этот вопрос действительно поставил Дуань Шаобо в тупик. Он опустил голову и глубоко задумался, а исходившая от него энергия то усиливалась, то слабела.

Ли Биньчэн гневно уставился на Гу Цзыцзю:

[Твой младший соученик только-только стабилизировал свою стадию! А ты задаёшь ему подобные вопросы! Хочешь, чтобы он и вправду утратил культивацию?!]

[Наставник, я виноват.]

[...]

Гу Цзыцзю послушно признал ошибку, однако Ли Биньчэн от этого ничуть не обрадовался. Напротив, его словно душили, и он едва не задохнулся от досады.

За что он тогда вообще взял этого мелкого мерзавца в ученики?!

- Пока я ещё не знаю, в чём заключается моё Дао, - произнёс Дуань Шаобо. - Но однажды непременно узнаю, верно?

Он поднял голову и медленно выдохнул мутный воздух. В его безжизненно-чёрных глазах на миг вспыхнуло сияние и тут же исчезло.

[Хочу поцеловать его глаза.]

[...]QAQ Я хочу обозвать хозяина поганым извращенцем и мерзавцем, но не смею.

- Как же я тобой гор... - Ли Биньчэн с тёплой улыбкой посмотрел на Дуань Шаобо, затем повернулся к Гу Цзыцзю, и его волосы от ярости встали дыбом, - ...жусь!

Затем он перевёл взгляд на двух младших учеников и немного смягчился:

- Ваш старший брат - вцепится зубами в гору и не разожмёт челюстей, а ваш второй старший брат скромен, но непреклонен. Раз уж они ступили на путь практика меча, то продолжат идти по нему.

Ван Си и Наньгун Цэ молчали.

Наставник сейчас старшего брата с черепахой сравнил? Мы понимаем, что разговор серьёзный, но так хочется рассмеяться... Что же делать?

- Однако вы двое ещё малы и пока можете выбрать иной путь. Вы по-прежнему желаете совершенствоваться в моей секте Меча?

- Этот ученик желает...

- Не спешите отвечать. Вернитесь к себе и хорошенько всё обдумайте.

Погладив обоих детей по голове, Ли Биньчэн отпустил их. Затем повернулся к Дуань Шаобо:

- Шаобо, первым местом, куда ты отправишься в этом путешествии, будет город Цинпин?

- Да.

- Тогда сперва зайдите к старейшине Туну, Тун Бэйци. Помните ребёнка, который прибыл сюда вместе с вами? Позавчера он утратил культивацию. Боюсь, его путь к бессмертию на этом оборвался. Раз уж вы вместе пришли сюда, теперь вместе возвращайтесь домой.

- Да, наставник.

В своё время Ли Биньчэн забрал Дуань Шаобо и И Чжэнь из города Цинпин вместе. И Чжэнь даже успел назвать Ли Биньчэна старшим боевым дядей. Однако младший соученик Ли Биньчэна, Ни Сяоцзинь, выглядел уж слишком... необычно.

И Чжэнь с детства рос в маленьком провинциальном городке. Где ему было видеть человека, в котором мужественная красота и могучая стать сочетались с чарующей женственностью и обольстительной грацией? Он так испугался, что разрыдался в голос. Ни Сяоцзинь не пожелал принуждать его и отправил в Зал служителей меча, где позднее мальчика принял в ученики великодушный и мягкосердечный Тун Бэйци.

С тех пор в мгновение ока пролетело столько лет.

Гу Цзыцзю почти всё время пропадал вне секты. Даже когда изредка возвращался, то проводил на своей вершине два дня, а потом снова уносился неведомо куда. Он не заботился даже о собственной горе, поэтому растения и звери там давно жили сами по себе. Зато место прекрасно подходило для охоты...

Из остальных вершин он знал лишь главную вершину главы секты, бессмертного меча Фана, и дяди-наставника Ни Сяоцзиня. Хотя у Ни Сяоцзиня была собственная вершина, он, подобно Гу Цзыцзю, годами не появлялся дома. Всякий раз, когда Гу Цзыцзю приходил к главе секты, тот и Ни Сяоцзинь сидели на тех же двух подушках для медитации, что и при первой встрече, словно никогда с них не вставали.

Дуань Шаобо, напротив, гораздо лучше знал обитателей секты Меча. Когда Гу Цзыцзю отсутствовал, именно он обычно покидал вершину по поручениям учителя.

И дело вовсе не в том, что наставник ленился! Он просто хотел, чтобы Дуань Шаобо чаще выходил и общался с людьми. Правда-правда!

Получив поручение Ли Биньчэна, они сразу направились к вершине Тун Бэйци. По дороге им то и дело слышался плач.

Лишь немногие в секте видели того младшего боевого двоюродного деда или вообще знали о его существовании, однако каждый практик меча ясно увидел в нём собственное будущее.

Пусть большинство из них никогда не сумело бы достичь его стадии, но одно дело – оказаться неспособным взойти на такую высоту, и совсем другое – знать, что Небесное Дао уже раскололо темя твоему будущему и свернуло ему шею.

Не хватало лишь самой малости – или, точнее, стоило дитя судьбы Чу Цзэюю начать следовать

сюжету, – и в мире уже шесть тысяч лет не было бы ни единого бессмертного меча...

<http://bllate.org/book/19889/1985367>